

Страницы истории рабочего движения

Эрфуртская программа

Когда борьба с Исключительным законом против социалистов закончилась, немецкая социал-демократия провела демобилизацию собственных рядов, что вызвало внутри неё трения. Эти контрасты приняли форму двух противоположных течений, идеи которых, как заметил Ленин в 1913 году по случаю смерти Августа Бебеля, напоминали правый оппортунизм Карла Хёхберга и ультралевизну Иоганна Моста, ставшие двумя закономерностями развития классовой партии: *«Партийный кризис, приблизительно того же характера, что и в половине 70-х годов, повторился опять»*.

Оппортунизм и максимализм

С одной стороны, те, кто под давлением закона против социалистов дали *«себя запугать разрушением легальности и [затянули] песенку уныния»*, вслед за Георгом фон Фольмаром решили *«воспользоваться легальностью»* для проповеди реформистского пути и посвятить себя парламентской политике, отказавшись от революционной перспективы.

С другой стороны, резюмирует Ленин, *«так называемые “молодые” играли в “левизну” и катились к анархизму»*¹. Франц Меринг в своей «Истории германской социал-демократии» добавляет наблюдение о моральном факторе некоторых членов партии, на которых эти группы молодых интеллектуалов пытались оказать влияние: *«В сущности, всё дело заключалось в некотором неудовольствии нескольких больших городов, как Дрезден, Магдебург и в особенности Берлин. Поскольку это неудовольствие имело серьёзное основание, его скорее всего можно было сравнить с настроением привыкших к войне ветеранов, которые, после прекращения войны, неохотно снимают своё оружие, которым они ловко и удачно владели. Особенно естественно было такое настроение в Берлине. Нигде партия не пережила такого тяжёлого положения, как в столице империи»*².

Новая империалистическая эпоха

Однако, как мы видели, 12 лет борьбы против Бисмарка подтвердили, что лозунг *«учить, организовывать, пропагандировать»* оказался эффективнее тактики заговоров и ультралевизны Моста. Этот результат проявился и во II Интернационале, основанном в Париже в 1889 году. После съезда в Брюсселе, прошедшего в августе 1891 года, Энгельс выразил удовлетворение тем, что анархистские течения потеряли влияние. В письме Полю Лафаргу от 2 сентября 1891 года, опубликованном 12 сентября в газете *Le Socialiste*, он писал: *«[...] исключение анархистов. Новый Интернационал начал с того, чем закончил старый»*³.

Здесь следует отметить, что Арриго Черветто всё же признавал заслугу голландского делегата-анархиста Домелы Нивенхёйса, который стал *«первым»* в дебатах во II Интернационале, *«поддержавшим превращение войны между капиталистическими нациями в гражданскую войну против буржуазии»*. Но именно для того, чтобы вести такую войну, необходимо точное знание соотношения сил между классами. В эти последние годы XIX века, пишет Черветто, Энгельс разработал *«революционную стратегию империалистической эпохи»*, сформулировав *«грандиозное предсказание» «кризиса конца века»* и мирового конфликта, в котором армии будут состоять в основном из пролетариев. Столкнуться лицом к лицу с правящим классом и его современным военным аппаратом на баррикадах, используя устаревшие методы восстания 1848 года, было бы самоубийством. Вместо этого была необходима терпеливая и дисциплинированная работа, чтобы укоренить интернационализм в классе и таким образом посеять его семена в массовых армиях.

Против фраз

В письме Фридриху Адольфу Зорге от 9 августа 1890 года Энгельс критикует мелкобуржуазный максимализм, которым были заражены эти *«самодовольные литераторы, стремящиеся насильственно добиться удовлетворения своей мании величия»* и имевшие *«приверженцев [...] в Берлине, Магдебурге и т. д., в особенности среди новых членов партии, которых ещё можно подкупить фразами»*⁴. 5 августа в известном письме Конраду Шмидту Энгельс подчеркнул эклектизм и вредную теоретическую поверхность этих

элементов: «Вообще для многих молодых писателей в Германии слово “материалистический” является простой фразой, которой называют всё, что угодно, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, то есть приклеивают этот ярлычок и считают, что этим вопрос решён. [...] Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фразы об историческом материализме (ведь можно всё превратить в фразу) служат только для того, чтобы как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные, относительно весьма скудные исторические познания [...] и затем возомнить себя великими»⁵.

Дело “молодых” начало обсуждаться на съезде в Галле (октябрь 1890 г.) и закончилось на съезде в Эрфурте (октябрь 1891 г.) их исключением, хотя Энгельс рекомендовал в партии абсолютную свободу дебатов. Затем они создали Независимую социалистическую партию, которая, однако, не имела никакого влияния. Ядро было более конкретно, оно организовало анархистскую группу вокруг газеты *Der Sozialist*, издававшуюся в Берлине после 1893 года. Однако вскоре группа раскололась на две конкурирующие секции – Анархистскую федерацию Германии, которая развивала коммунистический и рабочий анархизм вокруг Пауля Павловича, и Социалистический союз, созданный интеллектуалами, такими как Густав Ландауэр, ориентированными на корпоративистский анархизм.

Оппортунизм Фольмара

На стороне правого оппортунизма оказался, причём с гораздо большими последствиями, Фольмар, член баварского ландтага, на которого оказали влияние успехи, достигнутые мелкими баварскими крестьянами в их деятельности. В последующие годы аграрный вопрос окажется в центре теоретической борьбы внутри социал-демократии, о чём свидетельствуют объёмные работы Карла Каутского на эту тему.

В своей июньской речи 1891 года в мюнхенском “Эльдорадо” Фольмар защищал необходимость реформистской политики. Он также высказался в поддержку Тройственного союза, оправдывая это сближением «*между республиканской Францией и русским деспотизмом*», и предложил немецким социалистам выполнить свой солдатский долг в случае войны.

На съезде в Эрфурте Фольмар всё же принял линию партии, но Энгельс в письме от 24 октября 1891 года предупреждал Бебеля: «[Для] настоящего момента это, пожалуй, лучше, хотя с ним вы ещё далеко не разделились, и чем напряжённее положение, тем зорче нужно за ним следить». Жак Дро в “*Histoire générale du socialisme*” комментирует: «С этого момента в социалистическом сознании быстро прорастут семена реформистского оппортунизма».

Критика Эрфуртской программы

Съезду в Эрфурте также была поручена разработка программы, которая должна была прийти на смену Готской. Для руководства этой работой Энгельс опубликовал “Замечания к программе германской рабочей партии” Маркса, которые были написаны в 1875 году, но оставались неопубликованными. Кроме того, получив проект программы 18 июня, в последующие дни он написал свои наблюдения, которые направил партийному руководству и которые станут известны под названием “К критике проекта социал-демократической программы 1891 года”.

Теоретическая часть программы была разработана главным образом Каутским, руководившим с 1883 года в Штутгарте журналом *Die Neue Zeit*, в котором сотрудничали Энгельс, Бебель, Либкнехт и издатель Иоганн Дитц. Эту часть Энгельс одобрил и в начале своей “Критики” написал: «Сильные остатки отжившей традиции – как специфически лассальянской, так и вульгарно-социалистической – в основном устранены, в теоретическом отношении проект в целом составлен на основе современной науки, что даёт возможность обсуждать его на этой основе»⁶.

Эрфуртская декларация сопровождалась практической программой, включающей немедленные «*Политические требования*». За них и зацепился Фольмар, в своей реформистской полемике утверждавший, что они противоречат теоретическим принципам. В действительности, как следует из наблюдений Энгельса, между двумя частями программы не было противоречия, а было сочленение стратегии и тактики. Энгельс явно нападает на оппортунизм Фольмара: «*Это забвение великих, коренных-соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учёта дальнейших*

последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, – может быть, происходит и из-за “честных” мотивов. Но это есть оппортунизм и остаётся оппортунизмом, а “честный” оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других»⁷.

В то же время Энгельс подчёркивает, что в Германии ещё остаются буржуазно-демократические битвы, которые необходимо вести, и отмечает, что в программе политические требования должны быть связаны с целью достижения «единой и неделимой республики», а не фрагментированной на мелкие государства, где Пруссия растворилась бы в германском целом. Он пишет: «Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех её требований. Убеждают самих себя и партию в том, что “современное общество вращается в социализм” [...], не предстоит ли ему в Германии, кроме того, разбить оковы ещё полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя»⁸.

Последний “общедемократический натиск”

Энгельс ясно указывает, что демократическая республика является лишь переходной стадией в революционном процессе: «Уничтожение классов – наше основное требование»⁹. В марте того же года во введении к третьему немецкому изданию “Гражданской войны во Франции” он писал: «В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии»¹⁰.

Однако в настоящий момент «не подлежит никакому сомнению», утверждает Энгельс в “Критике”, что «наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция. Ведь совершенно немыслимо, чтобы нашим лучшим людям пришлось стать министрами при императоре»¹¹.

Как отмечал Черветто, Энгельс считал наличие доли мелкобуржуазного оппортунизма в партии в некотором смысле неизбежностью, обусловленной немецкими условиями и продиктованной тяготением этих промежуточных слоёв и интеллигенции к рабочему классу. В письме Каутскому от 3 декабря 1891 года Энгельс писал: «Практические требования содержат всякого рода “но”, некоторые – в применении к современным условиям – выглядят по-мещански, но при нашей нынешней прочной позиции на это можно справедливо возразить, что их наверняка нельзя будет провести, пока мы не придём к власти, а тогда они приобретут совершенно иной характер»¹².

Апрель 2023 г.

¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 23. С. 368.

² - Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”. Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 237.

³ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 38. С. 128.

⁴ - Там же. Т. 37. С. 374.

⁵ - Там же. С. 371.

⁶ - Там же. Т. 22. С. 229.

⁷ - Там же. С. 237.

⁸ - Там же. С. 236.

⁹ - Там же. С. 235.

¹⁰ - Там же. С. 200–201.

¹¹ - Там же. С. 237.

¹² - Там же. Т. 38. С. 204.